

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 355.433.61

**Проблемы региональной безопасности и образ России
в военной доктрине Швеции 2015 года**

Савельева Л.С.¹

Аннотация. В статье представлен анализ ключевых аспектов политики безопасности и обороны Швеции, обозначенных в военной доктрине 2015 года, а также отраженного в ней образа России. Обращает на себя внимание расхождение между дискурсом доктрины и реальными внешнеполитическими действиями Стокгольма. Так, несмотря на представленный в доктрине негативный образ Москвы, сотрудничество двух стран в сфере политики безопасности на глобальном уровне реализуется, в первую очередь, в рамках Совета Безопасности ООН, а также Совета Баренцева/Евроарктического региона и Совета государств Балтийского моря.

Ключевые слова: Швеция, политика безопасности и обороны, Россия, «доктрина Хультквиста», тотальная оборона, «доктрина Вальстрем», Совет Безопасности ООН.

**Regional Security Issues and the Image of Russia
in Sweden's 2015 Military Doctrine**

Savel'eva L.S.¹

Abstract. The paper scrutinizes the main aspects of the contemporary Swedish security and defence policy presented in 2015 military doctrine, as well as the perceived image of Russia which emanates from it. The striking difference can be observed

between the discourse of the doctrine and the actual political strategy pursued by Stockholm. Thus, despite a strongly negative image of Moscow presented in the document, the two countries seek cooperation within the framework of international organizations like the UN Security Council (UNSC), the Barents Euro-Arctic Council (BEAC) and the Council of the Baltic Sea States (CBSS).

Keywords: Sweden, security and defence policy, Russia, the Hultqvist doctrine, total defence, the Wallström doctrine, UN Security Council (UNSC).

¹*Савельева Лариса Сергеевна, студентка 4 курса бакалавриата, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский Государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация.*

Saveljeva Larisa Sergeevna, Bachelor student (4th year), School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: larissa_9.6@mail.ru.

© Л.С. Савельева

«Швеции нужна новая политика безопасности», — заявил Гуннар Хёкмарк, лидер делегации шведской Умеренно-консервативной партии (*Moderaterna*) Европарламента, в конце октября 2014 года комментируя мартовские события в Украине [16]. Действительно, шведские власти отреагировали на кризисную ситуацию оперативно: в том же месяце на «фактически не обороняемый, но важный в тактическом плане о. Готланд» было передислоцировано два истребителя [2]. Переговоры с Финляндией о расширении сотрудничества в сфере обороны получили новый импульс; в сентябре обе страны подписали Меморандум о взаимопонимании с НАТО [25]. Изменения последовали и на доктринальном уровне — итогом дискуссий о необходимости реформировать шведскую концепцию безопасности и обороны стало принятие 23 апреля 2015 года новой военной доктрины Швеции «Ключевые направления оборонной политики — оборона Швеции в 2016-2020 гг.» [13]. В докладе представлен анализ основного содержания доктрины и отраженного в ней образа России, т.е. видение ситуации *политическим* руководством страны.

Прежде всего обращает на себя внимание «агрессивный» тон шведской военной доктрины, которая «традиционно» [4] носит оборонительный характер. Состояние военно-политической ситуации в Европе расценивается как «ухудшившееся» в связи с обострением военной угрозы со стороны России: «Руководство России продемонстрировало готовность прибегнуть к военным средствам для достижения своих политических целей» [13, С. 1]. Отсюда формулируется и основная цель военной безопасности, а именно отражение военной агрессии [13, С. 1, 50]. В Стокгольме также отмечают, что агрессивная политика России в регионе связана с представлением о наличии у Москвы «привилегированных интересов» на территории стран — бывших членов СССР. Поэтому неудивительно, что риск военной агрессии по украинскому сценарию на Балтике вызывает опасения у Швеции, традиционно воспринимавшей себя «гарантом» безопасности в регионе [10, С. 447-461].

Далее, в соответствии с глобальными тенденциями развития системы международной безопасности — в частности, расширением самого понятия, в доктрине выделяются следующие угрозы невоенного характера: международный терроризм, ОМУ, климатические изменения, шпионаж, пропагандистские войны. Казалось бы, угрозы шведской безопасности исходят не только с востока. Но надо заметить, что и в данном подходе присутствует «территориальная перспектива». Так, если в ходе конфликта пропагандистская кампания приводит к нанесению физического ущерба шведской стороне, она может быть расценена не только как нарушение шведского суверенитета, но и как *военная* агрессия [13, С. 40-41]. Говоря об опасностях таких кампаний, Стокгольм (естественно) ссылается на предпринятые Россией действия по информационному подавлению противника в украинском конфликте.

По мнению специалиста по внешней и внутренней политике России Военной академии США в Вест-Пойнте Роберта Персона, «боязнь российской интервенции в Прибалтику основана на двух удобных, но ошибочных аналогиях с конфликтом на Украине»: русские национальные меньшинства и доступ к базам Балтийского и Черноморского флотов, соответственно [1]. Очевидно, что данная экстраполяция сюжета неуместна — Персон приводит целых шесть на то причин, и не

возникает сомнений, что это понимают и в Стокгольме. Несмотря на это, говорится в доктрине, «вызывающие» и «непредсказуемые» действия России в Прибалтике: рост числа военных учений, актов разведывательной деятельности, нарушение границ территориальных вод государств Балтийского моря, а также рост числа операций в рамках гибридных войн, — повышают степень региональной напряженности. Однако стоит отметить, что практически ни один из указанных эпизодов не сопровождается конкретными примерами — за исключением инцидента с нарушением границ территориальных вод Швеции в октябре 2014 года [13, С. 23] — притом, что данный «факт» «иностранной подводной деятельности» так и не был подтвержден [5].

Иными словами, налицо расхождение характера реальных действий и их оценки политическим руководством Швеции. Как представляется, одна из возможных причин этого противоречия кроется в проблеме построения оборонной политики социал-демократическим руководством страны. В период нахождения у власти правоцентристского правительства Фредрика Райнфельдта (2006-2014) СДРПШ не раз подвергалась критике за отказ поддерживать увеличение государственных расходов на оборону — в частности, на фоне развития событий в Грузии (2008) и Украине (2014) [24]. После вхождения Крыма и Севастополя в состав РФ вопрос о шведском членстве в НАТО (или возврате к «классической» политике нейтралитета) получил новый импульс [18; 23]. Это, однако, противоречило интересам пришедшего к власти в сентябре 2014 года социал-демократического правительства Стефана Лёвена [21].

В итоге ответом на украинские события стал переход от наступательной обороны к территориальной — то есть, по сути, возврат к военной доктрине времен «холодной войны» [30, С. 39-56]. Концепция сдерживания¹ получила название «порогового» сдерживания (или «эффекта порога», швед. *tröskelleffekt*). В связи с этим в задачи военно-политического руководства страны было включено повышение оперативной способности вооруженных подразделений и восстановление тотальной обороны, отмененной еще в 1990х гг. [15]. Помимо аспекта сдерживания доктрина военной безопасности, получившая также название «доктрины Хультквиста» — по имени министра обороны страны — имеет и еще одну составляющую. Важнейшим аспектом обеспечения

безопасности является развитие двух- и многосторонних взаимоотношений с отдельными странами и организациями. Ключевыми партнерами Швеции в этой области традиционно являются США, Великобритания и Финляндия. Так, 6 апреля 2015 года, еще до официального опубликования новой военной доктрины Швеции, министр обороны Петер Хультквист совместно с финским коллегой Карлом Хаглундом объявили о расширении военного сотрудничества между странами для согласования действий как в мирное время, так и в случае кризисных ситуаций, что, как подчеркивается, не предполагает никаких взаимных военных гарантий [28]. В июне 2016 года было заявлено о дальнейшем углублении сотрудничества с целью повышения «кумулятивного эффекта порога» в регионе Балтийского моря» [19], а через год страны подписали договор о присоединении к Совместным экспедиционным силам под руководством Великобритании [29]. Аналогичной цели служит и шведско-американское сотрудничество военно-технического характера, основу которого составляет Декларация о намерениях 2016 года [27]. Конкретным примером реализации сотрудничества Стокгольма, Хельсинки и Вашингтона являлись совместные полеты ВВС стран над территорией Финляндии в конце марта 2015 года, а также прошедшие в сентябре прошлого года крупнейшие за 23 года военные учения на территории Швеции — Аврора 17.

Неудивительно, что и реформировать Вооруженные Силы предполагается по уже известному сценарию военного планирования времен «холодной войны» [9, С. 197-217], а именно:

- ввести новую систему базового образования;
- усилить ПВО;
- повысить требования к боеготовности всех военных подразделений;
- повысить боеспособность национальных войск местной обороны;
- развивать структуры гражданской обороны;
- увеличить военное присутствие в регионе Балтийского моря;
- восстановить военную инфраструктуру Готланда и др. [13, С. 8].

Более того, планируется реорганизация военных соединений и возврат к более крупным армейским единицам, от которых в Стокгольме постепенно отказывались с 1990х гг. Так, если в доктрине 2009 года в распоряжении ВС Швеции имелись 7 батальонов и 4 дивизии ВВС, с 2015 года (вновь) формируются две бригады сухопутных сил и 4 флотилии ВВС. Количество основных военных кораблей увеличивается с 11 до 14 единиц [13, С. 72-73].

С комплектацией этих подразделений дело обстоит, однако, более проблематично. Как известно, всеобщая воинская повинность в Швеции была отменена в 2010 году, так как приоритетом шведских ВС было объявлено участие в многосторонних миротворческих миссиях (ММС). Переход к профгосторонной армии негативно сказался на возможностях комплектации военных подразделений — так, например, в 2015 году удалось набрать всего 2706 добровольцев против запланированных 3000 (и это притом, что во второй половине прошлого века численность ВС Швеции приближалась к полумиллиону, а после 2010 г. не удается поддержать цифру и на уровне 20 тысяч) [11]. Более того, проблемы связаны с преждевременным прекращением службы военнослужащими срочной службы [13, С. 88]. В связи с этим, как известно, 2 марта 2017 года риксдагом было принято решение о повторном введении обязательного призыва на военную службу: «По словам министра обороны, армии не хватает добровольцев, поэтому недостающее число военнослужащих (примерно 4 тысячи человек в год) будет компенсироваться за счет воинской повинности» [8]. Таким образом, решение проблемы видится в совмещении обязательной и контрактной военной службы. Только вот интересно, почему, если риск «военной агрессии» столь реален, решение о возврате обязательной службы принимается с задержкой в два года.

Немного лучше обстоят дела и в сфере финансирования оборонного сектора. По соглашению правительства с частью оппозиции (УКП и Партия центра) происходило увеличение военного бюджета — 49,3 млрд. крон (6,1 млрд. долл.) на 2018 г. против 37,5 млрд. крон (4,6 млрд. долл.) в 2015 г. [17]. Однако ключевая проблема Швеции сегодня заключается в катастрофической нехватке средств для поддержания намеченного в доктрине и других официальных документах уровня обороны. При этом, несмотря на необходимость

обновления военной формы солдат, а также модернизации стоящей на вооружении техники — в частности, подводной лодки класса Халланд и многоцелевых корветов типа Висбю, в Стокгольме приняли решение о закупке американских средств ПВО Patriot PAC-3 в конфигурации "3+" на общую сумму порядка \$3,2 млрд. [6]. Таким образом, очевидно, что трансатлантическое сотрудничество определяет приоритеты шведской оборонной политики в значительно большей степени, нежели риск российской «агрессии».

Вершиной непоследовательности линии Стокгольма следует, однако, считать не это. На фоне — а, может, вопреки — ремилитаризации Готланда руководство Швеции проводит переговоры по российскому газовому проекту «Северный поток-2», предполагающие сдачу в аренду России порта на том же Готланде [14]. Судя по всему, в Швеции стремятся использовать соответствующий образ России для углубления, в первую очередь, трансатлантического сотрудничества и деполитизации вопроса о членстве в НАТО при сохранении сотрудничества с восточным соседом в определенных, важных для Швеции сферах. Но почему?

Возвращаясь к парадигме внешней политики Швеции, стоит отметить, что «доктрина Хультквиста» является лишь одной из ее составных частей. В основе второй лежит «доктрина Вальстрем» (по имени возглавляющей МИД Швеции Маргот Вальстрем). Как известно, наиболее эффективной платформой для реализации «активной» внешней политики со второй половины XX века являлась Организация Объединенных Наций, пост непостоянного члена Совета Безопасности которой Швеция будет занимать до 2018 года. Отсюда понимание Стокгольмом важности поддержания отношений с Москвой, без конструктивной позиции которой о продуктивной повестке дня в СБ ООН, чего так активно добивается Швеция и лично Вальстрем, можно забыть. Так, например, на заседании Генеральной Ассамблеи 21 февраля этого года обе страны высказались в поддержку инициативы президента Палестинской автономии М. Аббаса об открытии в течение 2018 года международной конференции по урегулированию палестино-израильской проблемы. Швеция, пишут в WSJ, подчеркнула необходимость «включенных» переговоров, в то время как российская сторона заявила о возможности их возобновления с

участием «международного квартета» — ООН, США, ЕС и России [22].

Еще одной потенциальной точкой соприкосновения интересов Швеции и России в сфере безопасности является урегулирование украинского кризиса. В рамках очередной Мюнхенской конференции по безопасности 2018 года министр обороны Швеции дал предварительное согласие на отправку шведского военного контингента в составе миротворческих сил ООН на восток Украины — при условии, «если Россию и Запад это устраивает» [26]. Важно отметить, что налаживание отношений, безусловно, предполагает уступки с обеих сторон, однако существует ряд областей — одной из таких посол Швеции в России П. Эрикссон считает Арктику, в рамках которых сотрудничество возможно «без переноса сложностей из других сфер» [3]. Кроме того, с 2017 года Швеция возглавляет также такие региональные организации, как Совет Баренцева/Евроарктического региона и Совет государств Балтийского моря (СГБМ), членом которых является и Россия. Таким образом, необходимость институционального сотрудничества на разных уровнях объясняет стремление Стокгольма не обострять взаимоотношения с восточным соседом.

Бесспорно, прескриптивный политанализ имеет свои плюсы. Однако о нежелании политического руководства Швеции обострять отношения с Россией свидетельствует и официальная риторика Стокгольма. В отчете Рабочей комиссии по обороне от 20 декабря 2017 г. было сделано заключение, что «вооруженное нападение на Швецию не исключается» [20]. Однако буквально через несколько недель министр иностранных дел в своем выступлении заявила, что «одинокое вооруженное нападение напрямую на Швецию маловероятно», — за что в ее адрес обрушилась критика оппозиции [12].

Подводя итог, негативный образ России, представленный в доктрине 2015 года, свидетельствует о настороженно-агрессивном отношении Стокгольма к «непредсказуемому» восточному соседу. При этом, однако, такие платформы, как Совет Безопасности ООН, Совет Баренца/Евроарктического региона и СГБМ создают реальные возможности для реализации целей международной и региональной безопасности, важных как для Швеции, так и для России. В том

случае, если политикой будет управлять не риторика, а прагматичный анализ реальных событий.

Примечания

1. Важно отметить, что дискурс времен «холодной войны» («сдерживание угрозы с Востока») сохранился не только у шведской военно-политической элиты, но и на Западе в целом. См., напр., [29].

Список источников и литературы

1. 6 причин не бояться российского вторжения в Прибалтику. // Иносми.ру. 14.11.2015. URL: <https://inosmi.ru/russia/20151114/231361540.html>. (дата обращения: 03.03.2018).
2. Оборонная политика Финляндии и Швеции: Перспективы вступления в НАТО. // АА «Внешняя политика». 11.04.2014. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/oboronnaya-politika-finlyandii-i-shvetsii-perpektivy-vstupleniya-v-nato/>. (дата обращения: 03.03.2018).
3. Петер Эрикссон: Швеция сохраняет политику неприсоединения к военным альянсам. // Интерфакс. 30.03.2017. URL: <http://www.interfax.ru/interview/556124>. (дата обращения: 07.03.2018).
4. Пешков Г. Политика безопасности и военное строительство Швеции. // Зарубежное военное обозрение. — 2001. — №9. — С. 2-6.
5. Поиск подлодки, которой нет. // Радио свобода. 20.10.2014. URL: <https://www.svoboda.org/a/26644940.html>. (дата обращения: 04.03.2018).
6. США поставят Швеция системы ПВО/ПРО Patriot на сумму \$3,2 млрд. // ИА ТАСС. 22.02.2018. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4979988>. (дата обращения: 01.03.2018).
7. США разрабатывают планы по сдерживанию Путина в Европе. // Иносми.ру. 03.11.2015. URL: <https://inosmi.ru/world/20151103/231154769.html>. (дата обращения: 04.03.2018).
8. Швеция возвращает воинскую повинность. // Euronews. 02.03.2017. URL: <http://ru.euronews.com/2017/03/02/sweden-reintroduces-military-service>. (дата обращения: 08.03.2018).

9. Agrell, W. Behind the Submarine Crisis: Evolution of the Swedish Defence Doctrine and Soviet War Planning. // *Cooperation and Conflict*. — 1986. — Issue XXI. — Pp. 197-217.
10. Bengtsson, Rikard. (2016). Sweden and the Baltic Sea Region / J. Pierre (ed.) *The Oxford Handbook of Swedish Politics. Sweden's International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 736 p.
11. Braw, E. Sweden, Short-Handed: Stockholm's Military Recruitment Problem. *Foreign Affairs*. 13.04.2016.
12. *Försvarsberedningen och säkerhetspolitiken*. Интерпелляция № 2017/18:326. 18.01.2018. Официальный сайт риксдага.
13. *Försvarspolitisk inriktning — Sveriges försvar 2016-2020*, Законопроект № 2014/15:109. 23.04.2015. Официальный сайт правительства Швеции.
14. Government will not oppose Nord Stream 2 port deal. // Sveriges radio. 31.01.2017. URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=6619663>. (дата обращения: 06.03.2018).
15. Gummesson, Jonas. Efter 20 år: Plan på svenskt totalförsvar återupptas. // *Svenska Dagbladet* 10.12.2015.
16. Hökmark, G. Sverige behöver en ny säkerhetspolitik.// SVT Nyheter. 22.10.2014. <https://www.svt.se/opinion/z>. (дата обращения: 06.03.2018).
17. Holmström, M. Ny utredning: Försvaret behöver 180 miljarder extra. // *Dagens Nyheter*. 19.02.2018.
18. Hugemark, B. Sverige är Natos svaga länk i Östersjön. // *Svenska Dagbladet*. 20.03.2014.
19. Hultqvist, P., Niinistö, J. Svensk-finska samarbetet om försvaret ska fördjupas. // *Dagens Nyheter*. 17.06.2016.
20. *Motståndskraft. Inriktningen av totalförsvaret och utformningen av det civila försvaret 2021-2025*. Отчет Рабочей комиссии по обороне. 20.12.2017. Официальный сайт правительства Швеции.
21. Norrevik, S. Säkerhetspolitiken tillbaka på 90-tallet. // *Svenska Dagbladet*. 25.10.2014.
22. Palestinian Leader Mahmoud Abbas at U.N. Says U.S. Can't Lead Peace Effort. // *The Wall Street Journal*. 21.02.2018.
23. Parrat, Ch. F. Sverige bör vara tydligt neutralt. // *Svenska Dagbladet*. 19.03.2014.
24. S är ett hot mot framtidens försvar. // *Svenska Dagbladet*. 05.06.2014.

25. *Samförståndsavtal med Nato om världlandsstöd*. Ds 2015:39. 04.09.2014. Министерство обороны Швеции.
26. Shalal, A., Emmott, R. Sweden says it could be part of U.N: peacekeeping in Ukraine. // *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-security-ukraine-crisis-gabri/sweden-says-it-could-be-part-of-u-n-peacekeeping-in-ukraine-idUSKCN1G10B2?il=0>. (дата обращения: 03.03.2018).
27. Statement of Intent between the Secretary of Defense of the United States of America and the Minister of Defense of Sweden. 08.06.2016. Официальный сайт правительства Швеции.
28. Sverige fördjupar militära samarbetet med Finland. // SVT Nyheter. 06.04.2015. URL: <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/svenskt-finskt-militarsamarbete-inte-bara-i-fred>. (дата обращения: 08.03.2018).
29. Sweden and Finland join UK-led response force. 30.06.2017. Официальный сайт правительства Великобритании.
30. Christiansson, M. [Электронный ресурс]: The NATO Question in Sweden under the Trump Presidency — Military Non-Alignment between Power Politics and Feminist Foreign Policy. / Siitonen, J. (ed.) *Finland, Sweden & NATO: Did Trump Change Everything?* Center for Transatlantic Relations, JHSAIS. 2017. URL: <https://transatlanticrelations.org/publication/finland-sweden-nato-trump-change-everything/>. (дата обращения: 06.03.2018).